

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.2>

УДК 141.32(091)

ББК 87.3(4Гем)

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПОЭЗИИ В ФИЛОСОФИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА¹

Екатерина Юрьевна Федотова

Аспирант кафедры философии и методологии науки,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
kater-ina@mail.ru
ул. Интернациональная, 33, 392000 г. Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье исследуется специфика понимания немецким философом Мартином Хайдеггером онтологической сущности поэзии в целом и особенности поэтической речи в частности. Особое внимание уделяется переводу и интерпретации таких терминов хайдеггеровской философии, как поэзия (Dichtung) и поэт (Dichter), в которые философ вкладывает принципиально новый смысл в сравнении с общепринятыми значениями этих понятий. В этом ключе проводится параллель между данными концептами и аналогичными или схожими по своему значению понятиями, относящимися к восточной философии. Подобное сопоставление двух разных философских традиций позволяет дополнить смысловую картину исследуемых терминов и осуществить более глубокий и многосторонний анализ отдельных аспектов философии языка Хайдеггера в области поэзии. Особое значение в данном вопросе уделяется индуистскому концепту «Шабда Брахман» в его эмпирическом понимании и конфуцианской категории «Цзюнь-цзы» как примеру взаимодействия между трансцендентным, поэтом и другими людьми. Кроме того, в статье представлена попытка рассмотреть поэтический язык с позиции религиозного языка, что позволило выявить важные черты языка поэзии как песни (Gesang) в ее сакральном понимании и обозначить в новом свете особую роль поэта как связующего звена между языком и его раскрытием в мире.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, философия языка, поэзия, поэт, религиозный язык.

В современной науке языковая проблематика по-прежнему сохраняет свою актуальность для сферы междисциплинарных исследований. Особенно важно отметить возросший интерес к привлечению научного аппарата философии к филологическим исследованиям, вызванный нехваткой философского анализа поставленных проблем. В то же время язык представляет собой один из ключевых объектов исследований в области философии и является центральным аспектом значительного числа современных философских концепций. Особое место в данном вопросе занимает поэзия как специфический вид языка.

Оригинальная концепция поэзии и ее сущности в философии выдающегося немецкого мыслителя XX столетия Мартина Хайдеггера сравнительно мало освещена отечественными исследователями. Попытки ее осмысления представлены единичными научными статьями или отдельными параграфами в монографиях, посвященных творчеству Хайдеггера. На этом фоне особую актуальность приобретает анализ и введение в научный оборот трудов зарубежных авторов, среди которых наибольший интерес в данном исследовании представляют работы Дж. Паттисона [14], А. Стран [16], Дж. Гозетти-Ференсей [9],

Б. Роджерса [15], Г. Брунса [7] и др., а также официально не переведенные на русский язык работы самого Хайдеггера. Кроме того, в данной статье предпринята попытка сопоставления поэтического и религиозного языков, что может оказать помощь в решении проблемы осмысления религиозного языка и его интерпретации.

I. Специфика терминологии

Прежде чем рассуждать о сущности поэзии как таковой, было бы логично концептуализировать сам термин «поэзия». Следует отметить, что в академической среде отсутствует единое мнение насчет того, что же из себя поэзия представляет. Как правило, попытки ответить на вопрос «что такое поэзия?» исчерпываются выяснением, чем она на самом деле не является [16, р. 926]. В целом можно предложить по крайней мере три взаимосвязанных между собой варианта определения концепта «поэзия». Прежде всего, поэзию можно охарактеризовать как литературный жанр, который отличается от двух других ключевых жанров: повествовательной прозы и драмы. Второе определение учитывает разницу в особенностях поэтического и обычного использования языка в речи. И третий способ обозначения поэзии основывается на различиях по формальному признаку: правилах и формах письменного фиксирования поэтического и прозаического текстов.

Однако ни одно из предложенных определений не приближает нас ни к раскрытию сущности поэзии как таковой, ни к тому, как ее осмысливал в своей философии Мартин Хайдеггер. Сам немецкий мыслитель нигде не приводит точного определения этого термина. Тем не менее при знакомстве с его работами становится очевидным, что для Хайдеггера поэзия представляет собой нечто большее, чем просто форма проявления литературы. Он обозначает поэзию немецким словом *Dichtung*, предпочитая его возможно более распространенному синониму данного понятия – *Poesie*, происходящего от греческого слова ποιησις. Соответственно, поэта Хайдеггер называет *Dichter*. Вероятно, такой выбор философа является вполне обоснованным. Если мы проследим аналогичную ситуацию в

русском языке, то можем выявить, что слово «поэт» было заимствовано из греческого языка для обозначения человека, имеющего склонность к стихослагательному искусству. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, таковым является «автор стихотворных, поэтических произведений» или же «человек, который наделен поэтическим отношением к окружающему, к жизни» [2, с. 576]. Однако эти значения не отражают смысла, вложенного Хайдеггером в понимание *сущности* поэта. Е.В. Фалев отмечает, что ближе всего к хайдеггеровскому пониманию роли поэта был ведийский *кави* (*kavih*) – «святой поэт-пророк» [3, с. 163]. Но также он указывает, что наиболее подходящим русским эквивалентом хайдеггеровскому термину «поэт» является слово «певец»: «...так на Руси именовали “существенных поэтов”, так как их стих это всегда песня (дар поэзии *ins Lied gehüllt* сокрыт в песне)» [3, с. 163].

Исследователь философии Хайдеггера Б. О’Донохью в своей монографии указывает на возможность проведения некоторой параллели между приравниванием Хайдеггером поэзии к песне (*Gesang*) и индуистским понятием *Шабда Брахман*, представляющим собой своего рода трансцендентные звуки, проявляющиеся в мантрах и гимнах [13, р. 291–292]. Тем не менее есть существенное отличие между трансцендентным и эмпирическим смыслом концепта «Брахман». Трансцендентное понимание *Брахмана* восходит к понятию *Ниргуна Брахман*, пребывающему вне каких-либо форм и качеств, которое не может быть постигнуто человеческим мышлением. Тогда как его эмпирическое понимание находит свое практическое воплощение в мантрах и гимнах – оно может быть понято человеком через *Упанишады*. Аналогичным способом, согласно идее немецкого мыслителя, человек способен соприкоснуться с трансцендентным при помощи поэзии и посредством поэта.

II. «То, что сказано чисто, является поэмой»

В своих трудах Хайдеггер отводит поэзии роль языка в его чистом виде. Поэзия как чистый язык говорит сама. Здесь важно

отметить, что, согласно Хайдеггеру, вернее сказать – это не человек говорит на языке, а язык говорит (*Sprache spricht*) через человека. Человек как личность, формируемая своей причастностью к бытию, вступает в пространство бытия только через язык [1, с. 204]. Немецкий философ пишет, что «дар речи отличает человека, только и делая его человеком. <...> Сущность человека покоится в языке. Мы существуем прежде всего в языке и при языке» [5, с. 259]. Ведущий британский теолог и философ Дж. Паттисон отмечает, что «в действительности в стихотворении (роет. – *Е. Ф.*) говорит язык, а не своевольная личность поэта» [14, р. 169]. Поэзия не является способом передачи поэтом собственного жизненного опыта. Хайдеггер указывает, что «по своей сути, язык не является ни выражением, ни деятельностью человека. Язык говорит» [12, р. 194]. Из этого следует, что поэма, или стихотворение, выходит за рамки замысла поэта. Но что же в таком случае является поэмой? Хайдеггер указывает: «То, что сказано чисто, является поэмой (стихотворением. – *Е. Ф.*)» [12, р. 192]. Человек, в свою очередь, должен слушать то, что говорит поэзия. Но как узнать, что именно поэзия должна сказать нам поэмой и как выявить то, что сказано чисто? Вероятно, есть только один способ это узнать, однако и он не может полностью гарантировать то, что сказанное поэзией было верно интерпретировано. Вслушиваясь в тот замысел, что является подлежащим элементом в языке, следует придерживаться той мысли, что будет высказана языком. Существует очевидная связь между мышлением человека и тем, что говорит язык. Главным затруднением при раскрытии смысла сказанного является проблема выбора того, что сказано языком чисто. И здесь именно поэтическое произведение способно с большей готовностью, чем обыденный язык, помочь сделать первый шаг в верном направлении для раскрытия того, что таится в сказанном языке. Таким образом, мы вслушиваемся в то, что сказано словами. Само поэтическое слово никогда не является полностью скрытым или исчерпанным. Слово доступно для интерпретации, но при этом оно остается потаенным. «Поэтическое произведение высказывает неоднозначность неоднозначности» [11,

р. 192]. А. Стран полагает, что это утверждение является ключевым аспектом понимания поэзии Хайдеггером [16, р. 927]. Таким образом, поэзия, согласно Хайдеггеру, является глубоко неоднозначным понятием, где саму «неоднозначность» следует понимать как уникальную черту поэзии.

Важно выделить еще одно особое качество поэзии, возводящее ее на ступень выше обыденного языка. Хайдеггер указывает: «Язык впервые именуется сущее, и благодаря такому именованию впервые воплощает сущее в слово и явление» [12, р. 71]. В таком именовании заключается свойство языка связывать слово и мир, оно призывает сокрытое раскрыться в языке. Но поэзия как язык в его чистой форме способна на большее: как сущностное именование поэзия обладает возможностью высказывать то, что невыразимо в словах обыденного языка. Хайдеггер пишет: «Набрасывающее сказывание есть поэзия. <...> Набрасывающее сказывание это сказывание, которое, приготавливая то, что может быть сказано словами, одновременно приносит в мир невысказываемое как таковое» [12, р. 71]. Профессор Фордхемского университета Дж. Гозетти-Ференсей следующим образом описывает преимущество поэтического языка перед обыденным: «Поэзия отличается от обыденного языка; она делает язык непривычным, сверхъестественным или несокрытым, так что мы становимся способными осознать саму его близость и сущность этой близости. Таким образом, поэтический язык вступает за границы того, что может быть сказано» [9, р. 193]. По всей видимости, именно эта способность показывать невыразимое как таковое, раскрывая его в поэме, подобно тому, как изначально несокрытые вещи и явления могут быть выражены словами обыденного языка, и является доказательством того, что поэзия – это язык в своем чистом виде.

Хайдеггер не противопоставляет поэзию и прозу, он указывает на то, что чистая проза так же поэтична, как и любая поэзия, более того, «чистая проза никогда не прозаична. Она поэтична и, следовательно, так же редка, как и поэзия» [12, р. 205]. Здесь важно отметить, что к поэзии Хайдеггер относил и искусство в целом, отмечая, что «существом поэзии пронизано всякое искусство» [5, р. 238]. Однако

это не означает, что остальные виды искусства находятся в определенном подчинении у поэзии. Сведение всего искусства к поэзии означало бы собой «чистый произвол» [12, р. 70]. Хотя Хайдеггер и отводит поэзии (в узком смысле этого слова, как творению языка) выдающуюся роль на фоне других искусств за счет особой роли языка в целом.

Обозначая поэзию в качестве сущности искусства, Хайдеггер определяет и сущность самой поэзии как установление истины. Сама истина в представлении Хайдеггера это не-сокрытость или непотаенность. Апеллируя к древнегреческому слову *ἀλήθεια*, немецкий философ обращает внимание на отрицательную приставку *α-*, которая и придает всему слову значение *не-потаенности* (*α-λήθεια*). В представлении греков, равно как и для Хайдеггера, язык сам по себе – логос – не являлся инструментом или набором определенных символов, предназначенных для использования человеком в целях описания окружающего его вещей или выражения своих мыслей. Б. Роджерс в своем исследовании поэтического раскрытия бытия в творчестве Хайдеггера отмечает «необходимую бережность», с которой поэт участвует в построении и последующей передачи мысли. Он пишет: «Как случайные (но искренние) читатели мы найдем отголоски истины в творчестве всех великих поэтов. Некоторые говорят громче, так как *Dasein* в большей степени вовлечен в данную тему, время и данный язык. Шепот других будет едва услышан... <...> Каждый из великих исторических поэтов делал что-то для верного раскрытия бытия. В противном случае, мы бы никогда не отзывались на то, что они написали» [15, р. 4]. Следовательно, лишь благодаря поэзии человек обретает возможность приблизиться к потаенному и попытаться приоткрыть истину в поэтическом языке.

III. Поэтическая речь как религиозный язык

Другой вопрос, который возникает в связи с разъяснением того, что является сущностью поэзии, относится к природе поэтической речи. Что представляет из себя поэтическая речь? Во многих случаях Хайдеггер рассматривает ее как *песнь* (*Gesang*) или «по-

ющий сказ» [5, с. 272]. Хайдеггер пишет, что в поэме (стихотворении) «слово стало петь. Ибо это стихотворение – *песня*» [5, с. 307]. Песня, в свою очередь, тесно ассоциируется у Хайдеггера с трагедией [8, р. 128] в ее изначальном понимании древними греками. Здесь следует пояснить этимологическую связь слов *песня* и *трагедия* в древнегреческом языке. *Трагедия* обозначалась словом *τραγῳδία*, состоящим из слов *τράγος* «козел» и *ᾠδή* «песня». В современном греческом языке слово *τραγούδι* означает «стихотворное произведение для пения», «народная песня» [6, с. 753]. Но в древнегреческом значении трагедия как «пение козлов» изначально представляла собой воспевание сатирами страданий бога Диониса и несла в себе глубоко сакральный смысл. Хайдеггер проводит аналогию между пением и восхвалением, отмечая, что «петь – значит восхвалять и охранять объект восхваления в песне» [11, р. 187]. Он отмечает, что немецкое слово *Lieder*, в переводе означающее песни, своим происхождением обязано латинскому *laudes* (хваления): «Говорить такие хваления и значит – петь» [7, с. 308]. В заключении своей книги «О Духе. Хайдеггер и вопрос» Ж. Деррида отмечает «необходимый путь», который ведет от «речи к сказу (*sagen*. – *Е. Ф.*), от *sagen* к поэтическому говорению (*Dichten*. – *Е. Ф.*), от *Dichten* к песне (*Gesang*. – *Е. Ф.*), от *Gesang* к гимну и в итоге к восхвалению» [8, р. 128]. Пожалуй, данное высказывание Ж. Деррида не следует рассматривать как некую строго определенную упорядоченную закономерность или логическую последовательность. Вернее всего было бы представить его в качестве цепочки рассуждений Хайдеггера о сущности поэтической речи, где каждый последующий элемент существенно связан с предыдущим. И именно поэт через свой поэтический дар призван сделать первый шаг в преобразовании обычного языка в поэзию.

В своей работе «Гёльдерлин и сущность поэзии» Хайдеггер подчеркивает созидательный характер поэтической речи и указывает, что поэт через поэтическое слово устанавливает бытие в мире и «всякое установление остается свободным даром» [10, р. 138]. Тем не менее использование поэтом этого дара не является своевольным прояв-

лением желаний самого поэта, и оно не нацелено на достижение каких-либо его личных целей. Наоборот, Хайдеггер полагает, что использование этого дара служит наивысшей цели. «Как установление бытия поэзия вдвойне связана. Лишь имея в виду этот глубочайший закон, мы впервые вполне постигаем ее сущность» [10, р. 138]. В данном ключе Хайдеггер характеризует поэзию с той точки зрения, что «сочинение есть изначальное именование богов» [10, р. 138]. Согласно Хайдеггеру, поэт является связующей нитью между богами и людьми. Поэт обладает возможностью распознать и верно интерпретировать намеки (*Winke*) богов, лишь посредством которых боги разговаривают с людьми, и передавать затем их значение другим людям через свою поэзию. «Говорение поэта – подхватывание этих намеков, с тем чтобы в дальнейшем намекать ими своему народу» [10, р. 138]. Здесь просматривается определенная параллель с религиозно-философским учением Конфуция, где одной из основных категорий является *цзюнь-цзы* – «благородный муж» [4, с. 129]. *Цзюнь-цзы*, согласно *Лунь Юй*, это прежде всего тот, кто познал волю Неба. Познав божественную волю, он транслирует ее своему народу при помощи *жэнь* (переводимого в западной христианской традиции как человеколюбие) – мистического опыта, дающего человеку возможность связывать Небо и Землю. Таким образом, в учении Конфуция человеку было присуще наличие особой связи с сокрытым, которое можно описать как нуминозное (от лат. *numen* – божество, воля богов).

С другой стороны, представляя поэта находящимся между богами и людьми, Хайдеггер отмечает, что «установление бытия связано с намеками богов. И равным образом поэтическое слово есть лишь истолкование “голоса народа”» [10, р. 138]. Из этого можно сделать вывод, что, находясь между богами и людьми, поэт расшифровывает намеки так и остающихся скрытыми богов, но в то же время он отображает «голос народа», в котором таится память людей об их принадлежности «Сущему в Целом». Таким образом, свободный дар поэта заключается в распознавании намеков богов и народа, без интерпретации и расшифровки которых было бы невоз-

можным установление бытия в мире посредством слова и в слове.

Поэзия раскрывает глубины потаенного и именуется в процессе этого раскрытия. «Богу, который остается неизвестным, необходимо, показав себя тем, кем он является, появиться как тот, кто остается неизвестным. Проявление Бога является непостижимым» [11, р. 220]. В этой тесной связи между потаенностью и раскрытием проявляется сущность религиозного языка. Религиозный язык раскрывает священное как нечто, находящееся за пределами нашего осмысления, но в то же время показывает его близость. Именно в самом языке происходит раскрытие Бога как того, что является иным для человека. А. Стран указывает, что схожее явление можно наблюдать в «ритуале и церемонии как видах поэзии, где они также раскрывают Бога в качестве Иного (*Other. – E. Φ.*)» [16, р. 932]. Религиозный язык, как и поэзия, является чистым языком потому, что он показывает инаковость Бытия от обыденного языка и мира, отдаленность и в то же время сокрытую связь между сказом и Бытием. Поэзия, в понимании Хайдеггера, помогает, таким образом, увидеть религиозный язык как раскрывающий священное в его инаковости. Но возникает проблематичная ситуация, при которой такой язык сам по себе остается чем-то иным и он «решительно отказывается выражать себя посредством слов» [11, р. 81], в итоге, скрывая сам себя, он остается непостижимым. Однако ведущий исследователь современной поэзии и сущности языка Г. Брунс находит решение этой проблемы в следующем: «Задача толкования заключается не в устранении темноты или загадки, но в том, чтобы войти в нее и остаться в ней, так как освещение всегда происходит в темноте, а не в противопоставлении ей. <...> Темнота поэзии является не ее недостатком, но ее сущностью» [7, р. 40]. Таким образом, религиозный язык, с одной стороны, показывает потаенность Бога, а с другой стороны, раскрывает священное присутствию как бытию-в-мире. Рассматривая религиозный язык как поэзию, мы можем приблизиться к разгадке тайны священного и раскрытию тайны трансцендентного с последующей возможностью передать этот дар другим.

Заключение

Хайдеггер представил в своих трудах поэзию как язык в его чистом виде. Немецкий мыслитель исходил из того, что поэзия заключает в себе способность показывать в поэме невыразимое как таковое, подобно тому, как словами обыденного языка можно выразить те вещи и явления, что изначально происходят или расположены в фактуальном мире. Таким образом, как сущностное именованное поэзия способна высказывать то, что невыразимо обыденным языком. Философ полагал, что именно благодаря поэзии человек становится способным соприкоснуться с трансцендентным, приблизиться к миру мистического, приоткрыть завесу тайны, покрывающей истину. Именно установление истины посредством ее раскрытия в языке Хайдеггер определил как сущность поэзии. Во многих аспектах это сближает поэтический язык с языком религиозным.

Особый подход Хайдеггера к поэзии проявляется в том, что он не воспринимает ее просто как определенную форму проявления литературы. Более того, философ не приводит противопоставления поэзии и прозы, полагая, что чистая проза тоже поэтична, равно как и любое другое направления искусства. В его представлении поэзия выступает как сущностная характеристика любого вида искусства, которое в то же время сохраняет свою самобытность и автономность от поэзии. Тем не менее немецкий мыслитель отмечает, что поэзия в ее узком понимании как творение языком литературного произведения занимает ведущее место за счет уникального значения языка в целом.

Язык в поэме говорит через поэта. Согласно философии Хайдеггера поэзия не является средством для выражения персонального жизненного опыта поэта или его деятельности. Именно язык говорит. А особый дар поэта заключается в том, чтобы услышать, верно интерпретировать и передать другим заключенный в поэтическом творении изначальный смысл, который остается потаенным. Без этой расшифровки сокрытого стало бы невозможным установление бытия в мире, так как именно язык при помощи поэта и в поэзии раскрывает глубины потаенного и име-

нует его в процессе этого раскрытия. Происходит это благодаря тому, что поэтическое слово всегда доступно для толкования, где основная трудность заключается в соответствии интерпретации подлежащему замыслу.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-33-00048 «Проблема понимания иных культур: философско-методологический анализ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведев, Н. В. Роль молчания в онтологии языка Витгенштейна и Хайдеггера / Н. В. Медведев, Е. Ю. Федотова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 1 (42). – С. 199–209.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: А Темп, 2006. – 944 с.
3. Фалев, Е. В. Герменевтика Мартина Хайдеггера / Е. В. Фалев. – СПб.: Алетейя, 2008. – 224 с.
4. Федотов, Ю. С. Параллели истории. Гуманизм и десакрализация личности / Ю. С. Федотов, Е. Ю. Федотова // Философские традиции и современность. – 2013. – № 1 (3). – С. 128–131.
5. Хайдеггер, М. Время и Бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
6. Хориков, И. П. Новогреческий-русский словарь: Около 67 000 слов / И. П. Хориков, М. Г. Малев; под ред. П. Пердикиса, Т. Пападопулоса. – М.: Русский язык, 1980. – 856 с.
7. Bruns, G. L. Heidegger's Estrangements Language, Truth, and Poetry in the Later Writings / G. L. Bruns. – L.: Yale University Press, 1989. – 272 p.
8. Derrida, J. Of Spirit: Heidegger and the Question / J. Derrida. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 148 p.
9. Gosetti-Ferencei, J. The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot / J. Gosetti-Ferencei // Continental Philosophy Review. – 2012. – Vol. 45. – P. 189–212.
10. Heidegger, M. Elucidations of Holderlin's Poetry / M. Heidegger. – N. Y.: Humanity Books, 2000. – 244 p.
11. Heidegger, M. On the Way to Language / M. Heidegger. – San Francisco: Harper One, 1982. – 208 p.

12. Heidegger, M. *Poetry, Language, Thought* / M. Heidegger. – N. Y. : Harper Collins, 2001. – 256 p.
13. O'Donoghue, B. *A Poetics of Homecoming: Heidegger, Homelessness and the Homecoming Venture* / B. O'Donoghue. – Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2011. – 350 p.
14. Pattison, G. *Routledge Philosophy Guidebook to the Later Heidegger* / G. Pattison. – L. : Routledge, 2000. – 256 p.
15. Rogers, B. *Poetic Uncovering in Heidegger* / B. Rogers // *Aporia*. – 2006. – Vol. 122. – 7 p. – Electronic text data. – Mode of access: http://aporia.byu.edu/pdfs/rogers-poetic_uncovering_in_heidegger.pdf (date of access: 15.01.2016). – Title from screen.
16. Strhan, A. *Religious Language as Poetry: Heidegger's Challenge* / A. Strhan // *The Heythrop Journal*. – 2011. – Vol. 52. – P. 926–938.

REFERENCES

1. Medvedev N.V., Fedotova E.Yu. *Rol molchaniya v ontologii yazyka Vitgenshteyna i Khaydeggera* [The Role of Silence in the Wittgenstein's and Heidegger's Ontology of Language]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2015, no. 1 (42), pp. 199-209.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Idiomatic Expressions]. Moscow, A Temp Publ., 2006. 944 p.
3. Falev E.V. *Germenevtika Martina Haydeggera* [Hermeneutic of Martin Heidegger]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2008. 224 p.
4. Fedotov Yu.S., Fedotova E.Yu. *Paralleli istorii. Gumanizm i desakralizatsiya lichnosti* [Parallels of History. Humanism and Desacralization of Personality].

Filosofskie traditsii i sovremennost, 2013, no. 1 (3), pp. 128-131.

5. Heidegger M. *Vremya i Bytie: Statyi i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.
6. Khorikov I.P., Malev M.G. *Novogrecheskiy-russkiy slovar: Okolo 67000 slov* [Modern Greek-Russian Dictionary: About 67,000 Words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1980. 856 p.
7. Bruns G.L. *Heidegger's Estrangements: Language, Truth, and Poetry in the Later Writings*. London, Yale University Press, 1989. 272 p.
8. Derrida J. *Of Spirit: Heidegger and the Question*. Chicago, University of Chicago Press, 1991. 148 p.
9. Gosetti-Ferencei J. *The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot*. *Continental Philosophy Review*, 2012, vol. 45, pp. 189-212.
10. Heidegger M. *Elucidations of Holderlin's Poetry*. New York, Humanity Books, 2000. 244 p.
11. Heidegger M. *On the Way to Language*. San Francisco, HarperOne, 1982. 208 p.
12. Heidegger M. *Poetry, Language, Thought*. New York: HarperCollins, 2001. 256 p.
13. O'Donoghue B. *A Poetics of Homecoming: Heidegger, Homelessness and the Homecoming Venture*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2011. 350 p.
14. Pattison G. *Routledge Philosophy Guidebook to the Later Heidegger*. London, Routledge, 2000. 256 p.
15. Rogers B. *Poetic Uncovering in Heidegger*. *Aporia*, 2006, vol. 122. 7 p. Available at: http://aporia.byu.edu/pdfs/rogers-poetic_uncovering_in_heidegger.pdf.
16. Strhan A. *Religious Language as Poetry: Heidegger's Challenge*. *The Heythrop Journal*, 2011, vol. 52, pp. 926-938.

ONTOLOGICAL ESSENCE OF POETRY IN M. HEIDEGGER'S PHILOSOPHY

Ekaterina Yuryevna Fedotova

Postgraduate Student,
Department of Philosophy and Methodology of Science,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
kater.-ina@mail.ru
Internatsionalnaya St., 33, 392000 Tambov, Russian Federation

Abstract. This article explores the specifics of the German philosopher Martin Heidegger's understanding of ontological essence of poetry on the whole and of poetic language in particular. Special attention is paid to the translation and interpretation of the terms in

Heidegger's philosophy such as poetry (Dichtung) and poet (Dichter) in which the philosopher puts entirely new meaning in comparison with conventional meanings of these concepts. The parallel is drawn between these concepts with the same or similar notions related to Eastern philosophy. Such comparison of two different philosophical traditions allows completing a picture of studied semantic terms and makes analysis of special aspects of Heidegger's philosophy of language in the field of poetry deeper and more comprehensive. The particular importance in this regard is given to the Hindu concept of "Shabda Brahman" in its empirical sense and Confucian category "junzi" as an example of the interaction between the transcendent, poet and other people. In addition, the article attempts to consider the poetic language from the perspective of religious language. This point of view can reveal important features of the language of poetry as song (Gesang) in its sacred meaning and to identify in new light the special role of the poet as a messenger between the language and its disclosure in the world.

Key words: M. Heidegger, philosophy of language, poetry, poet, religious language.